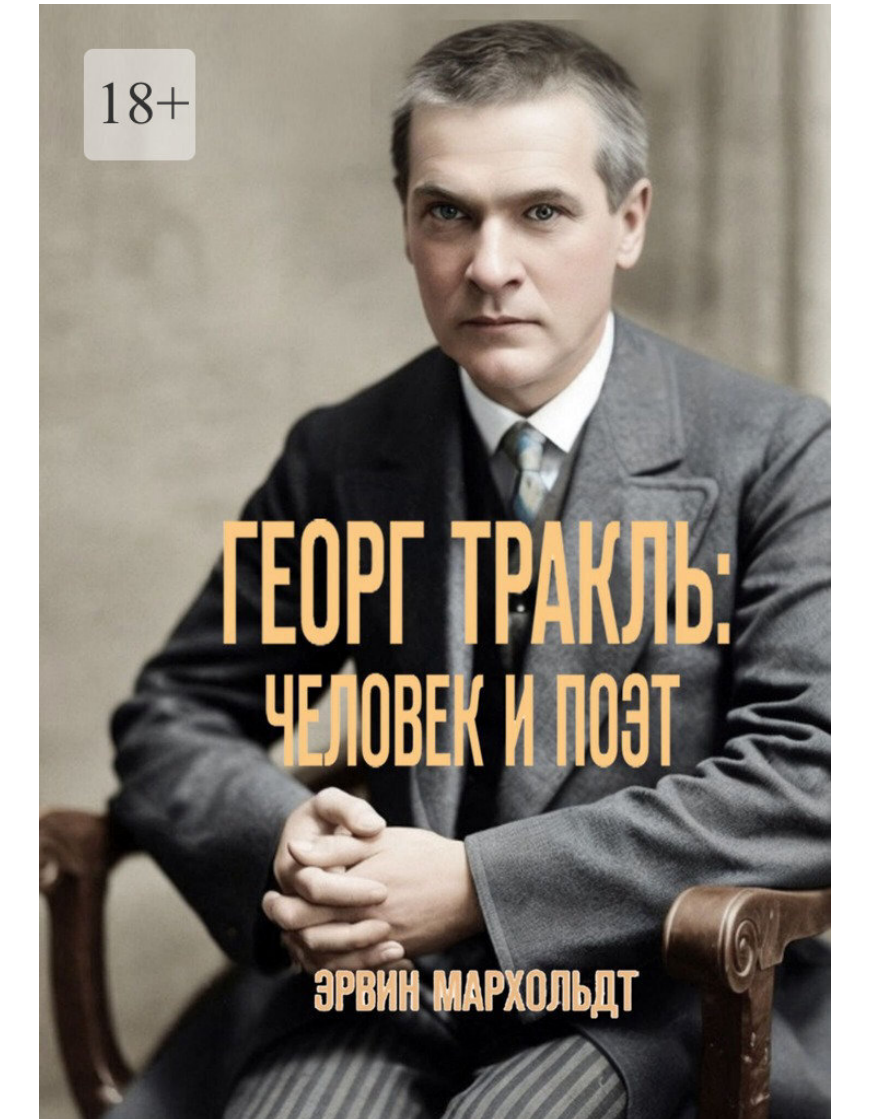

18+

A portrait of Georg Trakl, a man with short, graying hair, wearing a dark gray suit, white shirt, and patterned tie. He is sitting in a wooden chair with his hands clasped in his lap, looking directly at the camera with a serious expression. The background is a plain, light-colored wall.

ГЕОРГ ТРАКЛЬ: ЧЕЛОВЕК И ПОЭТ

ЭРВИН МАРХОЛЬДТ

Эрвин Мархольдт

Георг Тракль: человек и поэт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73517618

ISBN 9785006949515

Аннотация

Эрвин Мархольдт (1900–1925) – немецкоязычный поэт, художник и музыкант – считается первым биографом выдающегося австрийского поэта Георга Тракля (1887–1914). Работа Мархольдта о Тракле была опубликована в 1926 году. Хотя они не были знакомы, их связывало духовное родство и любовь к одной земле – Тиролю. Свежесть первого взгляда и личная вовлечённость автора придают особую ценность его содержательному исследованию.

Содержание

О, пламя, поющее в сердце!	5
От автора	10
Глава 1	14
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георг Тракль: человек и поэт

Эрвин Мархольдт

Переводчик Владислав Васильевич Цылёв

Составитель Владислав Васильевич Цылёв

Дизайнер обложки Владислав Васильевич Цылёв

© Эрвин Мархольдт, 2026

© Владислав Васильевич Цылёв, перевод, 2026

© Владислав Васильевич Цылёв, составитель, 2026

© Владислав Васильевич Цылёв, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-4951-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О, пламя, поющее в сердце!

Об авторе книги

Эрвине Мархольдте

Эрвин Мархольдт (Erwin Mahrholdt) (1900 – 1925) прожил короткую жизнь, как и его кумир – Георг Тракль (1887 – 1914). Хотя они не были лично знакомы, их объединяли схожие духовные устремления, одна земля и эпоха.

О Мархольдте, человеке с уникальными талантами и большими возможностями, известно немного. Он был поэтом, художником и музыкантом, входил в литературный круг журнала «Бреннер», славился виртуозной игрой на гитаре. Несмотря на немецкое гражданство, его жизнь и творчество были тесно связаны с Тиролем – землёй, которая для Тракля была *«дороже, чем родина»*.

В Инсбрукском университете Мархольдт изучал итальянский и древнеанглийский языки, занимался германистикой и музыкой. Там же он получил докторскую степень. Вскоре после своего 25-летия, в канун Рождества, он покончил жизнь самоубийством, как говорят, из-за постигшей его неудачи в личной жизни.

Мархольдт считается первым биографом Георга Тракля. Его работа «Человек и поэт Георг Тракль» (*Der Mensch und Dichter Georg Trakl*) увидела свет в 1926 году, уже после смерти автора. Это произведение вошло в сборник «Воспоминания о Георге Тракле», опубликованный под редакцией Людвиг фон Фикера в издательстве «Brenner-Verlag»¹. По словам Фикера, «эссе Мархольдта, проникнутое благочестием и неповторимой эмоциональной глубиной, несёт в себе ценность первого глубокого знакомства с поэтом Траклем и его творчеством».

¹ *Der Mensch und Dichter Georg Trakl*. In: Ludwig von Ficker (Hrsg.): *Erinnerung an Georg Trakl*. Brenner-Verlag, Innsbruck 1926, S. 21—82

Эрвин Мархольдт

И ценность эта непреходящая. Предлагаемое читателю исследование можно сравнить с молодым саженцем, который пустил корни в благородном сердце Мархольдта и расцвёл. С годами этот саженец превратился в пышное и плодоносящее дерево благодаря усилиям нескольких поколений биографов, литературоведов и философов. Мархольдт верил в гениальность Георга Тракля и нисколько не сомневался в том, что, несмотря на мрачные, бездуховные времена, «придут люди, которые смогут по праву встать рядом с ним, приняв наследие его мужественной поэзии».

*

От составителя и переводчика

Настоящая книга представляет собой эссе Мархольдта, специально подготовленное для сборника «Воспоминания о Георге Тракле», о котором говорилось ранее. Издатель ограничил объём публикации, и Мархольдт смог включить в свою работу лишь несколько стихотворений Тракля (далее помечены звёздочкой *). На остальные он давал ссыл-

ки на страницы собрания сочинений поэта². Чтобы компенсировать этот недостаток и сделать книгу более наглядной, я сопроводил текст дополнительной подборкой стихотворений Тракля.

Все тексты, включая поэтические, даны в моём переводе³. Исключение составляют несколько фрагментов с указанием других переводчиков.

В своих переводах я старался сохранить авторские приёмы пунктуации как Тракля, так и Мархольдта..

В качестве иллюстраций использованы фотографии начала XX века, которые являются общественным достоянием. На обложке книги представлена фотография Георга Тракля, доработанная мной средствами графического редактора. В конце основной части книги размещена фотография могилы Георга Тракля в Мюлау, Инсбрук.

Владислав Цылёв

² Речь идёт о 9-м издании полного собрания сочинений Георга Тракля. Дата публикации в оригинале не указана.

³ Тексты стихотворений Тракля взяты из книги моих переводов: Георг Тракль, «Откровение и закат»/ «Издательские решения», 2026 г.

От автора

Механистический характер нашей эпохи, порождение расчётливого интеллекта, подрывает истинное отношение человека к себе и миру, возникающее в результате размышлений и познания. Индивидуальность деградирует до винтика громадной машины государства и общества, попадая в зависимость от других частей, хотя эта связь не является для него необходимой. Совершенство души, доступное каждому, утрачивается тем скорее, чем сильнее взгляд цепляется за шестерню; подлинная и непреложная сопричастность человека человеку ослабевает, заменяется кажущейся, и таким образом возвращается ужасное чувство, что все вокруг нас утратило свою сущность и стало нереальным. Ибо неживое демонически оживает благодаря уловкам разума, а живое чахнет и увядает. Мы воображаем, что покорили природу с помощью изобретений и машин, но сами становимся жертвами тысяч коварных чудовищ и сил, которые стремимся обуздать. Вызванное таким образом отсутствие общей опоры во внешнем и внутреннем мире разрушает жизнь, сословия, профессии, людей и их характерные черты настолько, что уже могут существовать ссудные кассы жалости и доброты, посредством которых можно одолжить право на жестокосердное отвержение нищего.

Искусство, и прежде всего поэзия, как чистейший проводник общечеловеческого начала, также распадается на части: у каждой общественной касты появляются свои романы, свой театр и своя лирика. В наши дни не издается ни одной книги, которая могла бы вдохновить большинство людей хотя бы в одной стране, и в которой каждый мог бы найти что-то для себя и о себе.

Провидец может избежать этой сумятицы, столкнувшись с ней как с чем-то инородным и найдя убежище внутри себя, где он обнаруживает изначальную реальность и верховную истину. Этому стремлению к уединению соответствуют лишь немногие виды поэзии; наиболее непосредственно и прекрасно – лирика, к которой в последние десятилетия обратилось бесчисленное множество отчаявшихся людей.

Лирик высится посреди хаоса, углублённый в себя, переживая натиск событий: его стоицизм проистекает из осознания своей безвозвратной жизни. Поскольку он сын своего времени, самопознание может дать ему две вещи – себя и свое время. Внешний и внутренний миры постоянно переплетаются. Все внешнее приобретает смысл, потому что указывает на нечто подобное внутреннему, и поэт естественным образом становится символистом. Не то чтобы он при этом потерял веру в реальность вещей – они лишь глубже и болезненнее запечатлеваются в нем. Во внешнем он узнает внут-

реннее, и в нем формируется целый мир силой его воображения.

Тракль для меня – самый значительный немецкий лирик со времен Гёте благодаря глубоко человеческому содержанию его стихотворных творений и выразительной силе и красоте его поэтического языка, который передает нам это содержание. Ясность его осознания такова, что его личная судьба стала судьбой целой эпохи. Ему, поэту упадка, который он воспринимал как Божье наказание на фоне всеобщего разложения, были дарованы как мучительные страдания, так и блаженное облегчение – способность видеть невыразимую красоту этого мира и вера в спасение в мире ином.

Это эссе исходит из фундаментального убеждения, что поэзия, в той мере, в какой она подлинна, как у Тракля, является зеркалом человека и его мира. Однако, поскольку лирик чаще всего творит под влиянием переменчивых настроений, стихи редко дают полное представление о его сущности, хотя она всегда скрыта в них и интуитивно передается читателю. Поэтому я попытался упорядочить разрозненный материал в соответствии с моим представлением о Тракле: сначала – чтобы создать образ человека, его судьбы и его дарований; затем – чтобы раскрыть его мировоззрение, его отношение к людям, к Богу, к природе и к нашему времени. Заключительная глава иллюстрирует, как художествен-

ная форма Тракля соответствует его внутренней сути. Поскольку я не был знаком с Траклем лично, в своих рассуждениях я опираюсь в основном на его творчество; а потому мои мысли могут оказаться полезными и для более ясного понимания многого, что нам кажется странным в этом поэте. Для наглядности я привлек свидетельства о его жизни, которые почерпнул из нескольких эссе о нём, из работы Эрхарда Бушбека «Георг Тракль. Реквием», из писем Людвигу фон Фикеру, но в особенности – из рассказов самого Фикера и других инсбрукских друзей поэта.

В этой работе я попытался обобщить и выразить своё личное видение Тракля и его поэзии, основываясь на первоисточниках, таких как его литературное наследие и биографические данные. Безусловно, явление Тракля допускает множество других толкований; и для оценки их истинности мы по историческим меркам живём ещё слишком близко к нему. И всё же именно то, что нам родственно, трогает нас в его поэзии наиболее глубоко; сила и ясность этого и являются мерой истинности нашего представления о поэте.

Эрвин Мархольдт

Глава 1

Приближаясь к старости и смерти, человек ощущает сильное, непреодолимое желание находиться среди детей и часто вспоминает собственное детство. Старик и внук играют вместе, и каждый познаёт жизнь через другого: старик – двигаясь вспять, внук – вперед. Наше существование простирается, образуя незамкнутый круг, два конца которого – детство и старость – почти соприкасаются. Детство ведет из неизвестности в многообразное и запутанное бытие, старость – из него обратно в непостижимое. Их роднит эта общая близость. Тот же, кто растет и взрослеет, теряет это сродство и должен решительно заявить о себе: его захлестывает жизнь, и он разорван надвое своим сознанием. Ребенок, вследствие мирного, приглушенного сосуществования величайших противоположностей, близок к земле и смерти, а старик обретает покой в растворении этих противоположностей. Жизнь Тракля подобна стремительно взлетающей и круто ниспадающей дуге, поэтому она и смогла быть, по сути, полностью выражена в творчестве всего нескольких лет.

Рождение

Geburt

Цепи гор: чернота, безмолвие, снег.

*Красная из чащобы в долину устремляется травля;
О, мишстый взор лани.*

*Тишь материнская; в черном сумраке елей
Распростерты дремотные длани,
Когда на ущербе месяц холодный сияет.*

*О, человека рожденье. Трепещет в ночи
Родник голубой в расщелине скал;
Потрясенный, падавший ангел зрит свое отраженье,*

*Пробуждается Бледное в затворе глухом.
Две луны
Два ока сверкают окаменевшей старухи.*

*О горе, схватки и вопль Роженицы. Черным крылом
Ночь виски обвивает младенца,
Снег, что с пурпурного облака осыпается тихо.*

Во время своего стремительного низвержения он предвидел свою скорую смерть подобно тому, как это бывает у падающих с высоты или приговорённых к казни: перед ним с калейдоскопической быстротой всплывали забытые, казалось бы, события детства, пока, наконец, его взору не открылся весь жизненный путь.

В стихотворениях первой части собрания сочинений

Трагедия мы редко встречаемся с его собственным детством, но он ищет его и любит в детстве других. Он говорит о сиротах, самых обездоленных, которые с раннего возраста вынуждены оставаться одни, без родных и любящих душ; он видит, как они собирают в поле оставшиеся колосья и лишь со смертью находят избавление от ужасающей нищеты; как над двором, где девочки играют в платицах, вызывающих чувство «душераздирающей бедности», возвышаются покои богачей, наполненные мелодиями струн и сонат. В то время как звуки труб охватывают его, словно кладбищенский озноб, и напоминают о войне и разрушениях, дети играют под ивами или под вечер ищут своими маленькими ручонками злато небес, не обращая внимания на летучих мышей, мечущихся в соседнем монастырском дворике; и он, белый маг, охотно садится рядом с ними, смотрит в их «правдивые» глаза и рассказывает сказки, которые когда-то восхищали его самого.

Псалом

Psalm («Es ist ein Licht...»)

• 2-я редакция

Посвящается Карлу Краусу

Явлен свет, что ветром погашен.

*Явлен кабак на отшибе, откуда Подвыпивший выбрался
после полудня.*

*Явлен выжженный виноградник, почерневший от нор
переполненных пауками.*

Явлен затвор, который они молоком убелили.

Умер Безумствующий.

<...>

Покинули нимфы леса золотые.

*В могилу кладут Чужестранного. Следом мерцающий
дождь проливается.*

<...>

*Явлены девочки во дворе в таких обветшалых
от бедности платицах что душа разрывается!*

*Явлены комнаты, по которым льётся соната
аккордами.*

*Явлены тени, что перед ослепшим обнимаются
зеркалом.*

Идущие на поправку больные в окнах лечебницы греются.

*Вверх по каналу белое судно кровавые язвы мора
разносит.*

<...>

Сад ввечеру. По галерее собора мыши летучие мечутся.

*Дети привратника оставили игры и злато небесное
ищут.*

*Финал из аккордов квартета. Содрогаясь слепая
малютка бежит по аллее,*

*А следом за ней вдоль стены ледяной тень её
пробирается ощупью, в объятиях сказок и преданий
святых.*

Явлена лодка пустая, что под вечер по каналу

чернеющему вниз устремляется.

Во мраке приюта старинного истлевают останки людские.

Мёртвые сироты у садовой ограды лежат.

Из серых затворов ангелы проступают с крыльями осквернёнными нечистотами.

Из под их век пожелтевших сыплются черви.

Соборная площадь мрачна и безмолвна, как в дни детства когда-то.

На серебристых подошвах прошедшие жизни прочь ускользают

И призраки проклятых сходят к вздыхающим водам.

Белый маг в гробнице своей играет со змеями.

Над Голгофой безмолвно отверзаются золотые очи Господни.

Лишь постепенно всплывает его собственное детство; по вечерам он отправляется к сумрачным селениям, пытаюсь – подобно всем нам – вернуть то, что, казалось бы, давно забыто:

De profundis

Вот оно – сжатое поле, в которое плачами черными излились дожди.

Вот оно – бурое деревце, что одиноко в сторонке стоит.

Вот оно – беснование ветра, что рыщет вокруг

*опустевших лачуг.
Эта вечерня, как она скорбна.*

*За околицей где-то
Сиротинушка кроткая остатки колосьев ещё собирает.
В полумраке блаженно пасутся глаза её золотисто-
округлые
О Женихе о Небесном её лоно тоскует.*

*По дороге домой
Набрели пастухи на плоть её на сладчайшую
Что истлела в колючем терновнике.*

*Я – тень вдалеке от угрюмых селений.
Из источника в роце
Испил я безгласие Господа.*

*Хладный металл на челе моём проступает,
Ищут сердце моё пауки.
Вот он – свет, что в устах моих гаснет.*

*Ночью я очутился на пустоши
Весь в нечистотах и среди звёздного праха.
В куцах орешника
Хрустальные ангелы вновь зазвенели.*

О, как тиха прогулка вдоль синей реки, в раздумьях о бы-
ЛОМ...

*О как бестревожно ступание по водам реки голубеющей
Созерцая забвенное, когда в зеленеющих ветвях
Дрозд распевал зазывая Пришельца к закату.*

«Себастьян во сне»

Когда он говорит о детстве, он имеет в виду свое собственное детство, и оно становится для него всеобъемлющим, чем-то чистым, чем он когда-то владел, и от чего ему пришлось отказаться. Напрасно он тоскует по его терпению [Geduld] и молчанию [Schweigen]⁴; порой ему больно видеть отверженное детство того времени:

*...Попусту в кельях прохладных
Утварь ветшает, в синеву костяными ручонками
Ощупью тянется к сказке
Детство отверженное,
Крыса отъевшаяся дверь прогрызает и ларь,
Сердце
В тишине снеговой цепенеет.
Эхом во мраке прогнившем разносятся
Проклятья пурпурные голода,
Мечи почерневшие лжи,
Словно врата из железа со скрежетом где-
то захлопнулись.*

«Чистилище»

Возвращаясь усталым на свою истинную родину, он

⁴ стихотворение «Passion»

еще смотрит на хрустальное детство голубыми глазами —
и не в силах удержаться от слёз.

Возвращение на Родину

Die Heimkehr

• 2-я редакция

*Прохладу сумрачных лет,
Боль и надежду
Хранят исполинские скалы,
Безлюдные горы,
Осени вздох золотой,
Тучка вечерняя —
Чистота!*

*Из очей голубых взирает
Хрустальное детство;
В сумрачном ельнике
Надежда, любовь, —
Вот и срывается из под огненных век
В оцепенелые травы роса —
Неудержимо!*

*О! Там мосток золотой
В снегах разбивается
Бездны!
Синей прохладой
Дышит долина ночная,*

Вера, надежда!

Здравствуй, укромный погост!

Частичка его любви к двум величайшим образцам для подражания, человеческому и божественному – Достоевскому и Христу, может быть основана на их глубокой связи с ребёнком. Теодор Дойблер рассказывает, как Тракль во время прогулки из Мюлау в Халль, постоянно рассуждая о смерти и безднах бытия, тем не менее ни на миг не упускал из виду детей, говорил им ласковые слова или что-то дарил. Его последние годы полны воспоминаний о детстве и юности, о чём свидетельствуют его стихи. В Себастьяне, Каспаре Хаузере и отроке из «Сна и ночи» он изображает только себя; из такого же погружения в себя родились и такие стихотворения, как «Рождение», «Детство», «Аниф», «Рано умершему».

Детство Kindheit

Ягодный рай бузины. Безоблачно детство таилось

В лазурной пещере.

Теперь над тропинкой заброшенной,

Где дикие травы ржавая вздыхают,

*Ветви свисают в раздумьях притихшие. Шепчутся
листья,*

Словно воды поют голубые в расщелине скал.

*Нежны плачи дрозда. Приумолкший настух
Солнце вдаль провожает, что по осеннему склону
закатывается.*

Голубое мгновенье – это проблеск души без остатка.

*Проступает пугливая лань на опушке лесной
И покоятся с миром в долине
Колокольни старинные, дереvушки угрюмые.*

*Всё смиренней теперь постигаешь промысел
сумрачных лет,
Прохладу и осень келий пустынных;
И в священной лазури отдаётся со звоном светоносная
поступь.*

*Тихо мается створка в окне приоткрытом; и слёз
не сдержать
При виде погоста, на всхолмье ветшающего,
Поминаешь былое, преданья изустные; но, бывает, душа
просветлеет нечаянно,
Вспоминая улыбку на лицах людей, дни весенние
в сумрачном золоте.*

Для него быть ребёнком – значит находиться в безопасности («Безоблачно детство таилось в лазурной пещере»), вдали от угроз и искушений, под защитой материнского лона. В этот период половое начало ещё не соединяется

с остальными инстинктами и не получает сильного развития. Добро и зло действуют бок о бок и сообща, не враждуя друг с другом; и хотя чувство вины мальчика за свои поступки уже очень заметно заявляет о себе, оно ещё не распространяется на вину за саму жизнь. В эти годы мы живём словно в библейские времена до грехопадения, как высшие создания, и мы всё ещё тесно связаны со всеми вещами и существами, поскольку мы любим их как братьев и играем с ними, как с братьями.

*О, чёрный ангел, что неслышно из чрева дерева вышел
В пору вечернюю, когда мы невинными были как дети
На краю родника голубого.
Отдохновенным было наше ступание, глаза округлённы
в бурой остылости осени,
О, пурпурная сладостность звёзд.*

«Опочившему в юности»

Подобно раю, детство невозвратимо: мы должны стать детьми, чтобы вновь обрести рай. Если говорить о Тракле, то уже в возрасте четырех лет у него присутствуют все черты взрослого человека: его лицо больше походит на лицо зрелого двадцатипятилетнего, а на юношеской фотографии его едва узнаёшь. Но только с пробуждением сознания начинают ощущаться противоположности, и перед нами встает необходимость выбора. И чем сильнее противоречия, тем яростнее и страшнее пробуждение, тем мучительнее последующая

борьба.

*О смерти запела душа, о зелёном гниении плоти
И лес зашумел,
И страстной жалоба лани была.
Неумолчно с высот колоколен темнеющих
звали лазурные звоны вечера.*

«Опочившему в юности»

Тракль с ранних лет был невероятно впечатлительным и чутко реагировал на все вокруг: его чувства были словно широко распахнутые окна, сквозь которые врвалось дыхание мира. Отдельные ощущения порой волновали его так обострённо, что именно благодаря им он, к примеру, осознавал наступление нового времени года: когда из комнат до него доносился запах айвы, он внезапно чувствовал, что пришла осень – его любимая пора. Однажды, поддавшись порыву, он бросился под копыта вороного коня.

*И выдался мрачный день года, печальное детство,
Когда в прохладные воды Отрок вошёл бестревозно,
к серебряным рыбам спустился
Упокоенье и Лик;
И когда под копыта взбешенных коней вороных он
бросился камнем,
Взошла над ним в поседевшей ночи – звезда;*

«Себастьян во сне»

В другой раз мы слышим о том, что мальчика пришлось удерживать силой, иначе он прыгнул бы на рельсы, чтобы остановить несущийся поезд: в движении он ненавидел время, которое безостановочно гналось за ним. В более спокойные часы он подолгу стоял у струящихся вод и вглядывался в них.

...дрожащими руками нащупывал прохладу древних камней и заклиная нашептывал священные сказы голубого источника.

«Помраченье и сон»

Врождённая задумчивость пробудила в мальчике глубокие ощущения сути жизни, и эту склонность он сохранил, став мужчиной. Направление его духа здесь уже ясно намечено: человек, погруженный в размышления, замирает в созерцании, и всё же, подобно воде, нечто неведомое влечёт его вперёд – и он низвергается и кружит, возвращаясь к истоку. Трагль был родственен всему сущему и силой своего воображения перевоплощался во всё. Поэтому о своём «Себастьяне» он мог сказать:

*...он малой был птахой в ветвях сиротливых,
К ноябрьской вечере был звоном протяжным,
Покоем Отца, когда он спускался во сне по ступеням
спирали, по лестнице в сумраке меркнувшей.*

*Er <...> war ein kleiner Vogel im kahlen Geist,
Die Glocke lang im Abendnovember,*

*Des Vaters Stille, da er im Schlaf die dämmernde
Wendeltreppe hinabstieg.*

Годами он жил, грезя о былом великолепии Зальцбурга. Остатки минувших времён – собор и раскинувшаяся перед ним широкая площадь, выцветшие каменные стены, дворцовый парк с каменными фавнами – всё это производило на восприимчивого юношу глубокое впечатление, и из этого он построил свой первый мир. Ибо в нём уже пробуждалось стремление придать форму своим чувствам, и поначалу он держался за то, что давно обрело завершённость; природе же, а вместе с ней и самого себя, он ещё не мог оформить, так как был слишком глубоко погружён в первозданное. По мере того как осознание, сроднившееся со стремлением к добру, начало окрашивать горизонты мальчика, он то и дело мысленно возвращался в своё детство; теперь оно представлялось ему ужасным, полным болезней, страха и тьмы. Да, он играл с крысами и кормил их, не подозревая, что они грызут зерно и своими ходами подтачивают отчий дом; мать водила его в покойницые, и он видел зелёные пятна тления на прекрасных руках мертвецов.

По вечерам он любил побродить среди запустенья кладбищенского, или в полумраке мертвецкой с интересом рассматривать трупы, зелёные пятна истления на их прекрасных руках.

«Помраченье и сон»

В то время его впечатляла только внешность, и он называл её прекрасной. В глаза жабы он смотрел «долго и молча», сравнивая их со звёздами:

...подолгу созвездия он созерцал в глазах
лягушонка...
«Помраченье и сон»

И всё же позже, увидев это, он громко вскрикнул.

С растущим в нём светом боролась тьма – его животные инстинкты. Зло в человеке – это его кровь; чтобы окончательно от него освободиться, ему пришлось бы её пролить. Он лжёт и крадёт, как тысячи других, которые затем направляют свои пороки в безнаказанное русло общественной жизни, не ведая, что творят.

...он проживал свои дни в потёмках пещеры, лгал и крал и скрывался, огненный волк, перед белым лицом материнским.
«Помраченье и сон»

Он же это осознавал, потому что свет противостоял тьме и проникал в неё.

Органый хорал переполнял его содроганьем
Господним.
«Помраченье и сон»

Могущественно пробуждается половое влечение и повергает его: у его изголовья поднялась тень зла. Он чувствует

себя огненным волком, душит кошку и боится своего убийцы, потому что и в нём самом есть нечто убийственное.

О, в тот час, когда в звёздном саду он опрокинулся с каменным ртом, тень Убийцы восстала над ним.

«Помраченье и сон»

Внезапно, подстрекаемый злом, он бросает камень в калеку, который мгновение назад мирно шёл рядом с ним. Но в тот же миг поэт чувствует, что предал своего ангела.

По вечерам он с калекой бродил среди гор; на ледяные вершины ложился розовый отблеск закатного зарева и в сумерках сердце его тихо звенело. Штормящие ели тяжело нависали над ними <...>. Когда ночь надвигалась, сердце его разбивалось хрустально и мрак распинал его лоб. В обнажённой дубраве ледяными руками он дикую кошку душил. По правую руку в белом облике ангел являлся рыдающий, и призрак калеки вздымался во тьме. Но поднял он камень и бросил в него так чтобы тот завывая бежал, и нежный лик ангельский в тени древа вздыхая исчез.

«Помраченье и сон»

На одной из фотографий того времени у него лицо преступника: низкий, сдавленный лоб между причёсанными на пробор, как у официанта, волосами и выражение, полное пугающе сильных инстинктов: похотливо впивающиеся глаза, нос с раздутыми ноздрями и рот с его сладострастными чертами.

Никто не любил его. Ложь и разврат поедали огнём его помыслы в меркнувшей комнате. От голубого шороха женских одежд он цепенел превращаясь в каменный столп и в дверях проступало ночное обличие матери. Над его изголовьем вздымалась тень зла.

«Помраченье и сон»

Не следует представлять Тракля как чуждого миру юношу или деградирующего городского слабака, как это делали некоторые.

Его чудовищная жизнестойкость, его физическая и злая натура резко контрастировали со складом его души – меланхолией. Крепкий и выносливый организм лишь удваивал его страдания, поскольку практически никакое одурманивающее средство не могло его одолеть и тем самым принести покой его духу. Тракль шёл по жизни решительно и прямо, лишь его голова была слегка склонена под гнётом мучительно ясного сознания. Иногда его физическая сила толкала на такие поступки, о которых он впоследствии горько сожалел. Однажды ночью в одной из инсбрукских кофеен он подошёл к буфету за сигаретами; поскольку девушка за стойкой не сразу обратила на него внимание, продолжая флиртовать с каким-то господином, он одним движением, бесхитростно и как само собой разумеющееся, поднял этого господина и отставил в сторону. Поднялись шум и ругань; Тракль же долго с удивлением смотрел на подбежавших друзей и спра-

шивал их, что, собственно, произошло.

Он мог выдерживать чрезмерное количество алкоголя, но даже в состоянии опьянения никогда не терял самообладания. То, что он описывает в «Зимней ночи» [«Winternacht»], он пережил сам после дьявольского спора со скульптором Отмаром Цайлером, когда посреди ночи бежал по железнодорожной насыпи из трактира в Халле в сторону Инсбрука. На следующее утро его нашли в снегу перед своим домом в Мюлау – от этого ледяного ложа он даже не простудился.

Зимняя ночь

Winternacht

Выпал снег. После полуночи опьянённый пурпурным вином ты покидаешь удел человека, красное пламя его очага. О темнота!

Чёрен мороз. Земля затвердевшая, привкус горечи в воздухе. Сходятся звёзды твои в зловещие знаки.

Окаменелой поступью ты дорожную насыпь вминаешь, с глазами округлыми, словно солдат, что штурмует чёрный окоп. *Avanti!*

Горький снег и луна!

Красный волк, которого ангел душит. Ноги твои шагая трещат словно лёд голубой и улыбка в которой сполна гордыни и горя в камень твой лик обращает и перед сладостной жаждой мороза бледнеет чело;

а порою оно поникает в молчанье над сновидением Стража, который в древесной лачуге своей долу припал.

Стужа и дымка. Белое рубище звёздное обжигает твои утомлённые плечи и сердце твоё металлическое стервятники Господа рвут.

Каменный холм. Забвенно и тихо плоть охладеляя в снег серебристый растапливается.

Чёрен сон. Слух подолгу внимает звёздным тропам во льдах.

К пробуждению звон колокольный раздался в деревне. Из восточных ворот в серебре проступил розовеющий день.

Рука об руку со знанием зла идёт знание об окончательном уничтожении жизни. Мощь зла в Тракле усиливала и укрепляла чувство близости смерти, которое больше никогда его не покидало.

Глубоко осознавая нищету и безрадостную земную действительность, он не мог по-настоящему увлечься женщи-

ной, укоренённой в земном, не мог обольститься иллюзией романтической любви. Разумеется, в мещанской среде лишь немногие из невинных созданий влюбились бы в него; женская истерия, как проявление вырождения, тяготила его, как и любое другое отклонение. Трактль принадлежит к тем немногим лирикам, которые не включили в своё творчество ни одного настоящего любовного стихотворения; поэтому женщины его почти не читают и не понимают. Как и большинство мужчин, он, вероятно, временами тоже жаждал и верил в спасение через женщину: это доказывают его стихи, в которых часто появляются прекрасные образы влюблённых. Но в итоге он осознаёт ослепление любящих и предвидит, что однажды время сорвёт с их глаз розовые покровы.

Те, кто проплывает мимо него в лодке, кажутся ему «весьма дивными» [«sehr wunderbar»], словно из сказочной страны, в которую Прозревший сам себе закрыл путь; он погружается в молитву за себя и за них, думая об их ночном упоении, о том, как в расслаблении тел их души мнят себя искуплёнными. Вечером в День всех усопших он слышит их вздохи в ветвях: возможно, они зачинают дитя, которому, подобно им самим и многим другим на кладбище рядом – и матерям, и детям, – суждено истлеть.

Это мироощущение нашло своё наиболее лаконичное и глубокое выражение в стихотворении «Во тьме» [«Im

Dunkel»], первоначально озаглавленном «Всё темнее» [«Immer dunkler»]: весной, во время пробуждения земли, божественная душа должна пребывать в молчании, она видит на распускающемся дереве зеленеющий крест, и тот, кто несёт эту душу в себе [der Tragende], Одинокий [der Einsame], остаётся наедине со своей вечной судьбой, которую олицетворяют звёзды над ним; но рядом с ним, под деревом, что однажды послужит для креста, мужчина и женщина познают друг друга, и влюблённые погружаются в опьяняющий сон. Здесь раскрывается вся тоска и глухая тяжесть любви – этого островка в расколоте мире поэта:

В сумерках

Im Dunkel

*Дышит душа тишиной – в просинь весеннюю.
Под ветвями вечерними влажными
Лики влюбленных в экстаз погрузились.*

*О зеленеющий крест. В потаённой беседе
Познали друг друга мужчина и женщина.
Вдоль стены обнажённой
В окружении звёзд своих Одинокий бредёт.*

*В лунном свете над тропами в чаще
Пустошь поникла
Охоты и травли забытой; взор лазури*

Сквозь разломы в скалах пробился.

Именно потому, что женщины так отчаянно цепляются за этот обман любви, он так сильно жалеет их; ему кажется, что их доля тяжелей, и что им приходится идти на гораздо большие жертвы, чем мужчине. Их стенания навеивают на него ещё большую печаль, потому что это беспомощные стенания тварных существ, а противовес духа чаще всего лишь сбивает их с толку, а не освобождает. Он в отчаянии вызывает к Богу, моля сжалиться над ними, и сострадает женщинам – служанкам и блудницам, – столь беззащитным перед похотью и мужчиной. Вина мужчины, сделавшего женщину матерью, зловеще проступает на фоне баллады о брошенной, опустившейся и умирающей в родах юной служанке.

Тракль с уважением говорил о блудницах, «женщинах рода людского» [«die menschlichen Frauen»] (по Вайнингеру), которые вынуждены обходиться без всякой сердечной любви и героически переносят своё положение изгнанниц из человеческого общества. Иногда блудницы представлялись ему чуть ли не монахинями своего времени. Одной такой девушке, которую он в честь героини Достоевского назвал Соней, он посвятил одноимённое стихотворение.

Однажды, находясь у друга, Тракль прочитал легенду

о святой Афре, средневековой куртизанке, которая, обращенная епископом, превратила свой бордель в женский монастырь; из этого впечатления и родилась «Афра».

Лишь один образ женщины постоянно возвращается в его поэзии и мысленно сопровождает его до самого смертного часа, когда она, качаясь, бредёт по роще и приветствует павших героев – это образ сестры (его младшей сестры).

*Все пути приводят к истлению черному.
Под золотую ветвью созвездий и ночи
Колыхается призрак Сестры в обезмолвленной роще,
Чтобы приветить души героев, кровоточащие головы;
И темные флейты осенние тихо поют в камышах.*

«Гродек»

Она была его спутницей в играх юности и горячо любима им, как и всей семьей.

К Сестре

An die Schwester

*Где пройдёшь ты, там осенний вечер,
В кущах голубая лань поёт,
Пруд совсем один под вечер.*

Тихо стайка птиц поёт,

*Над очами грустны своды.
Смех твой тоненько поёт.*

*Обратил Бог веки в своды.
Пятницы Страстной дитя – льнут все звёзды по ночам
К твоему челу под своды.*

Он одаривал её своей добротой и окружал «нежной и вместе с тем гневной заботой» (Бушбек). Брат и сестра были очень похожи: будучи поздними детьми, они от этого тяжело страдали, несли в себе дикость и внутренний разлад, были полны борющихся инстинктов и близки ко злу и безумию. Сестра получила образование пианистки, очень рано вышла замуж (в 18 лет), весной 1914 года тяжело заболела в Берлине и в 1917 году, в состоянии душевного расстройстве, застрелилась. Тракль видел в ней своё отражение, только смещённое в сторону совершенно безвольной женственности. Поэтому он содрогается, когда она появляется в зеркале;

Временами он вспоминал своё детство, наполненное болезнями, мраком и ужасом, потаёнными играми в звёздном саду <...>. Из голубого зеркала проступал истончённый облик Сестры и он замертво падал во тьму.

Или поэт приходит в восторг, когда сестра, подобно пылающему демону, возникает посреди его осени.

Но когда под деревьями голыми он в мыслях вынашивая Огненное, по осенней спускался реке,

предстал перед ним во власяных одеяниях пламенный
Демон, Сестра.

«Помраченье и сон»

Из некоторых фрагментов можно заключить, что эта любовь не была свободна от чувства вины.

Ненависть поедала огнём его сердце, сладострастие, когда в зеленеющем летнем саду молчаливое Дитя он насилдовал, в лучистом сиянии которого он свой лик окутанный мраком узнал.

«Помраченье и сон»

В «Видении зла» [«Traum des Bösen»] последняя строка звучит как признание:

В парке, дрожащие, познали друг друга брат и сестра.

Во всяком случае, он чувствовал себя связанным с сестрой особой судьбой и, возможно, именно поэтому, став более зрелым и уверенным, он проявлял к ней еще больше человеческого сочувствия и после посещения больной сестры мог написать: «Она заслуживала любви добрых людей больше, чем я». Двуполость этого мира обычно становится для нас первым и самым ясным признаком его внутренних противоречий – двойственной природы субъекта и объекта, добра и зла, Бога и человека. Противоположности стремятся к единству – либо через слияние, либо через уничтожение одной из них.

В характере сестры, в её смелости и художественной интуиции было много юношеского. Поэтому в своих стихах он преобразует её в деву-юношу:

Отрок лучистый

Проступает Сестра среди осени...

«Покой и безмолвие»

...лучисто сияя Отрока тень голубая во мраке
восстала, смиренный напев; над верхушками крон
зеленеющих, над хрустальными рифами лик Сестры
убелённый лунные крылья расправив взлетел.

«Откровение и закат»

И, по аналогии с собой – странником (Fremdling), – он называет её Страницей/Пришелицей (Fremdlingin), которая, подобно ему, страдает от земного и жаждет освобождения.

Когда я шатаюсь лунатиком вдоль каменных келий
бродил, и в каждой из них горела лампадка покойная,
медный подсвечник, и когда коченея от холода упал
я на ложе, у моего изголовья вновь восставал чёрный
призрак Пришелицы и лик свой скрывал я в ладонях
медлительных.

«Откровение и закат»

[Da ich nachtwandelnd an steinernen Zimmern hingung
und es brannte in jedem ein stilles Lämpchen, ein kupferner

Leuchter, und da ich frierend aufs Lager hinsank, stand zu Häupten wieder der schwarze Schatten der Fremdlingin und schweigend verbarg ich das Antlitz in den langsamen Händen].

Размышляя о Страшном суде и воскресении мёртвых, он лелеет прекраснейшую из надежд – исчезновение разделения на два пола. В «Песне о закатной стране» [«Abendländisches Lied»] говорится:

...лучезарно подъямлются посеребрённые веки возлюбленных

– род единый.

[strahlend heben die silbernen Lider die Liebenden: ein Geschlecht].

Возможно, именно в этом влечении к сестре, в «тёмной любви дикого рода» [«der dunklen Liebe eines wilden Geschlechts»], Тракль впервые остро ощутил проклятие выродждения, которое всегда его угнетало.

Темна любовь

Что одичалый род терзает...

«Страсти»

Корни этого чувства и его доминирующее влияние на поэта необходимо искать как можно глубже. Непрерывающаяся борьба Тракля с самим собой была заложена уже в несхо-

жести его родителей: отец – чистокровный банатский шваб, исполненный немецкой душевности и привязанности к дому (говорят, в его облике было что-то умиротворенное, доброе и монашеское); в матери же текла славянская кровь, её «белый лик» [«weißes Antlitz»] часто возникает в стихах Тракля, словно лик мстительницы.

Забутьё тёмных ядов бездонно, в нём звёзд полнота
и белый лик матери, лик её каменный.

«Помраченье и сон»

Внешне поэт был скорее похож на неё, чем на отца, однако отцу он придавал большее значение. Этот конфликт кровей позволяет легче понять многое, что иначе остаётся загадочным: его чувство отчуждённости среди немцев, горячую любовь к Достоевскому, демоническое и монашеское в его натуре.

Подобные смешения разнородных национальных особенностей в одной семье, безусловно, встречаются часто. Семья Тракля в этом отношении ничем не выделялась в Зальцбурге, его братья и сёстры живут среди нас, ничем особо не привлекая внимания. Лишь в гении эти чужеродные силы столкнулись и разрушили его. Безмерную ненависть, которая порой пробуждалась в нём к чуждым и губительным началам, он сдерживал убеждением, что и родители, как и он сам, были жертвами. Он часто говорил о себе как о внуке, на котором лежит вся вина предков; отец и мать – враги в его груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.